

Р 37
271

х и н.

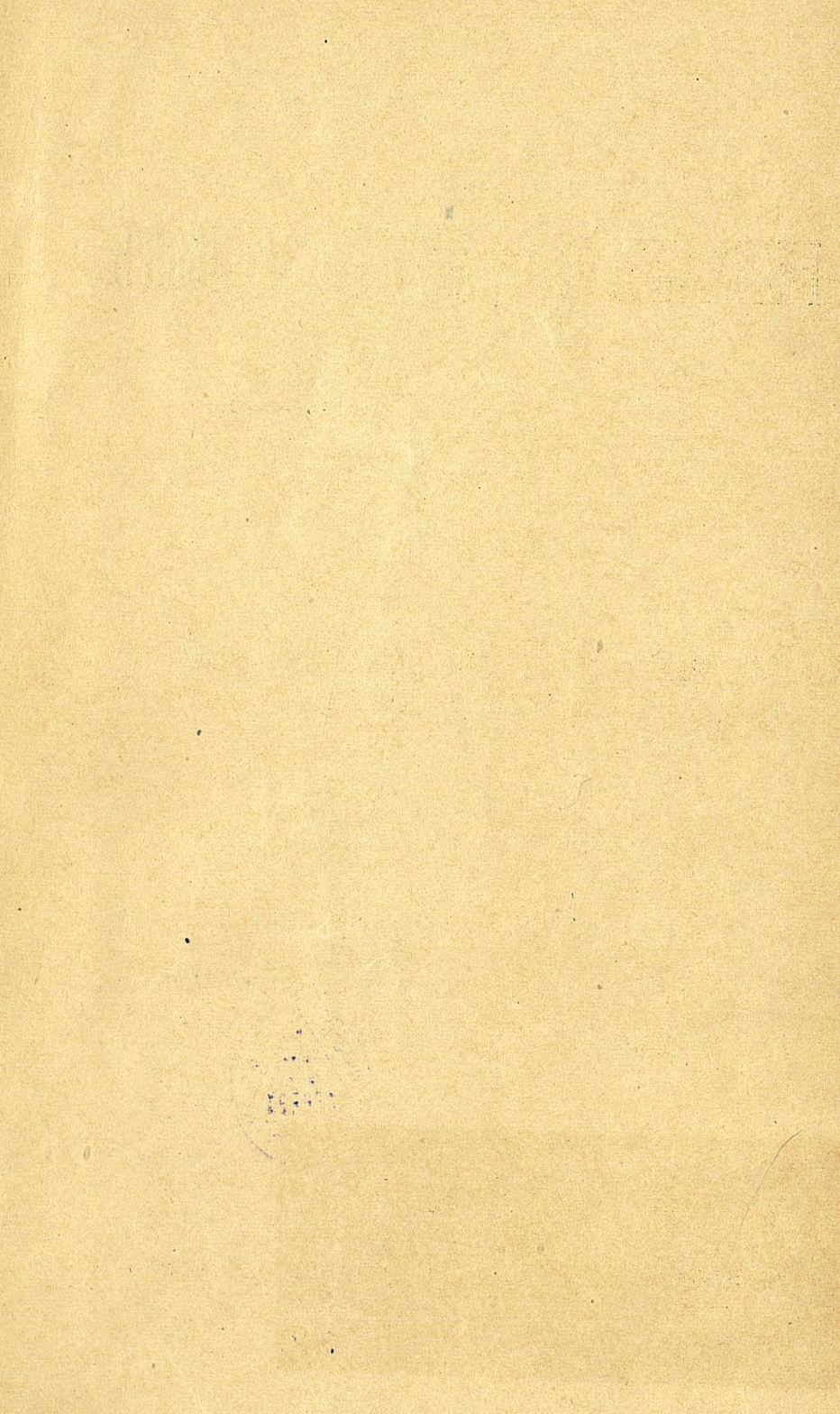
Р 37
274

ГЛАВА ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

Отдѣльный оттискъ изъ сборника „Подъ знаменемъ науки“
въ честь Н. И. Стороженко.

МОСКВА.

Типо-литографія А. В. Васильева и К^о, Петровка, домъ Обидиной.
1901.

Р. М. Хинъ.

Р 37
271

ГЛАВА ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

Отдѣльный оттискъ изъ сборника „Подъ знаменемъ науки“
въ честь Н. И. Стороженко.

МОСКВА.

Типо-литографія А. В. Васильева и К^о, Петровка, домъ Обидиной.
1901.

Глава изъ неизданныхъ записокъ.

I.

Надъ литературной и личной судьбой Тургенева всегда тяготѣло какое-то недоразумѣніе, что-то недоговоренное... Великій писатель, будившій самыя благородныя мысли, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, обаятельный собесѣдникъ, доступный, привѣтливый, независимый, онъ не пользовался той популярностью, на которую, казалось, имѣлъ всѣ права.

Было два-три момента, когда духовный подъемъ и праздничное настроеніе русскаго общества какъ будто сломили непонятное предубѣжденіе противъ автора «Записокъ охотника». Въ 1879 г. московскій университетъ восторженно привѣтствовалъ нашего художника-гуманиста; въ пушкинскіе дни онъ хотя и не былъ предметомъ истерическихъ овацій, какъ Достоевскій, но всѣ взоры съ любовью обращались въ ту сторону, гдѣ бѣлѣла его прекрасная бѣлоснѣжная голова. По возвращеніи въ Парижъ, онъ рассказывалъ, какъ онъ былъ умиленъ и взволнованъ проявленіями къ нему общей симпатіи. Особенно растрогалъ его слѣдующій случай. Ему пришлось читать (кажется, въ благородномъ собраніи) стихотворенія Пушкина. Онъ вышелъ на эстраду. Его встрѣтили дружные, продолжительные аплодисменты. Воспользовавшись первой паузой, онъ началъ: «Послѣдняя туча разсѣянной бури»—и съ ужасомъ убѣдился, что забылъ слѣдующій стихъ. «Я еще разъ пробормоталъ: послѣдняя туча разсѣянной бури—рассказывалъ Иванъ Сергѣевичъ—и опять остановился... хотѣлъ ужъ повиниться въ стариковскомъ безпамятствѣ... Но тутъ публика, какъ одинъ человѣкъ, мнѣ подсказала: одна ты несешься по ясной лазури...—я благополучно кончилъ—и мнѣ же хлопали»...

Но отошли пушкинскіе дни... Опять повѣяло холодомъ... и въ отношеніи общества къ Тургеневу опять наступило равнодушіе, за которымъ онъ всегда чувствовалъ глухое, затаенное раздраженіе.

Правда, смерть Тургенева вызвала такой взрывъ скорби, такую единодушную печаль, какой рѣдко приходится быть свидѣтелемъ. Его похороны представляли поистинѣ величественное зрѣлище. Такъ страна оплакиваетъ только лучшихъ своихъ дѣтей. Но... не успѣли еще стихнуть боль и горечь невознаградимой утраты, какъ сначала во французской прессѣ, а затѣмъ и въ русской, стали появляться довольно своеобразныя «Воспоминанія». Русскій авторъ французскихъ воспоминаній изобразилъ Тургенева человѣкомъ малодушнымъ, неискреннимъ, который въ глаза расточалъ комплименты, а за глаза всѣхъ высмѣивалъ — не исключая и корифеевъ французской литературы, имѣвшихъ наивность считать себя его пріятелями. Эти разоблаченія «интимнаго Тургенева» произвели въ парижскомъ литературномъ мірѣ сенсацію, и ближайшимъ ихъ послѣдствіемъ явились заключительныя строки въ книгѣ Alphonse Daudet «30 ans de Paris». Авторъ, недоумѣвая, зачѣмъ Тургеневу было притворяться, кривить душой — съ грустью восклицаетъ: «и этого человѣка я считалъ своимъ другомъ! онъ былъ въ моемъ домѣ желаннымъ гостемъ, ласкалъ моихъ дѣтей... О пронія!» Русскія воспоминанія (г.г. Виницкой и Головачевой-Панаевой, напримѣръ), тоже не страдаютъ излишней *piété* къ памяти великаго писателя. Тургеневъ въ нихъ рисуется мелкимъ фатомъ, завистникомъ, сплетникомъ, трусливымъ, тщеславнымъ и лживымъ. (Особенно характерны въ этомъ смыслѣ мемуары Г-жи Панаевой-Головачевой. Во всѣхъ ея разсказахъ о Тургеневѣ ему неизмѣнно отводится самая жалкая, самая неприглядная роль. Какъ хорошо послѣ этихъ рязвязныхъ характеристикъ отдохнуть на безыскусственныхъ, правдивыхъ страницахъ г-жи Житовой! Само собой разумѣется, что одинокіе хулители не имѣютъ серьезнаго значенія. Тургенева почитали и горячо любили лучшіе люди и у насъ, и на Западѣ. Онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, жилъ «mit den besten seiner Zeit»... И, тѣмъ не менѣе, справедлива французская поговорка: *calomniez, calomniez — il en reste toujours quelque chose*... Это нѣчто, словно ядовитая поросль, вплелось въ лавровый вѣнокъ писателя, которому любой культурный народъ отвелъ бы одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ своемъ Пантеонѣ.

1880 и 1881 г.г. я провела въ Парижѣ и въ теченіе этого времени — особенно весной и зимой — часто видала Ивана Сергѣевича. Онъ помогъ мнѣ разобраться въ запутанной сѣти курсовъ по исторіи, литературѣ и философіи, которые влекли меня въ аудиторіи Collège de France и Сорбонны. Мнѣ хотѣлось слушать все и всѣхъ, но Иванъ Сергѣевичъ настойчиво совѣтовалъ не разбрасываться, а выработать опредѣленную программу, и самъ указалъ мнѣ на нѣкоторыхъ, по его мнѣнію, наиболѣе для меня полезныхъ профессоровъ. При встрѣчахъ, даже мимолетныхъ, онъ всегда освѣдомлялся о моихъ занятіяхъ, а иной разъ, въ шутку, производилъ довольно придирчивый экзаменъ. Несмотря на необыкновенно

доброе, милое и ласковое обращеніе со мной Тургенева, я въ его присутствіи испытывала такой благоговѣйный страхъ, что въ первое время нашего знакомства, какъ только я входила въ его кабинетъ, всѣ предметы начинали мелькать передъ моими глазами, я буквально не знала, куда сѣсть, что сказать...

Иванъ Сергѣевичъ, конечно, замѣчалъ мое волненіе и, чтобы дать мнѣ оправиться, говорилъ, покачивая головой: опять задохнулась! вѣдь я васъ просилъ не взбѣгать на лѣстницу... и куда торопиться...

Я понемногу успокаивалась, «отходила»; а когда Иванъ Сергѣевичъ, бывало, разговорится, для меня исчезало время и пространство: слушать его можно было безъ конца. Онъ говорилъ очень хорошо и очень просто. Несмотря на долготѣе пребываніе въ Парижѣ, рѣчь его не напоминала блестящую *causerie* французовъ. Въ ней была иная прелесть. Онъ всегда владѣлъ предметомъ бесѣды и съ изысканнымъ мастерствомъ, не лишеннымъ лукавства, умѣлъ располагать къ откровенности и даже изліяніямъ робкихъ и замкнутыхъ людей. Чего бы онъ ни касался въ разговорѣ— философіи, религіи, искусства, политики, любви, музыки, злобы дня, личной размолвки,—во всемъ сказывался животворящій духъ его таланта, мягкость и грусть русскаго человѣка съ отгѣнкомъ насмѣшки, сомнѣнія, унынія и надежды. Онъ охотно обращался къ прошлому,—я много слышала отъ него о Достоевскомъ, Толстомъ, Гончаровѣ, Катковѣ, а больше всего о Бѣлинскомъ, о которомъ онъ всегда вспоминалъ съ трогательной нѣжностью, называя его святымъ. Въ послѣдующіе годы мнѣ приходилось встрѣчать и слышать не мало замѣчательныхъ людей и на родинѣ и за границей, но такого чарующаго впечатлѣнія, какъ Тургеневъ, на меня уже никто не производилъ. Иногда я заставляла у Ивана Сергѣевича довольно разнообразное общество, большей частью русское. Его постоянно посѣщали находившіеся проѣздомъ въ Парижѣ соотечественники, молодые ученые, дамы, начинающіе артисты, а главное—«колонія». Такъ называли въ мое время (да кажется, и теперь) учащуюся въ Парижѣ русскую молодежь. Члены этой колоніи не имѣли ничего общаго съ счастливыми обладателями прекрасныхъ отелей въ Parc Monceau и rue de Grenelle St—Germain,—которыхъ репортеры Figaro и Gil Blas удостоиваютъ причислять къ «Tout Paris». Слова «учащаяся молодежь» употреблялись больше для краткости и по привычкѣ, ибо въ составъ «колоніи» входили самые разнообразные элементы. Тутъ были и молодые, и зрѣлые, и старики, и младенцы, легальные и нелегальные, а больше всего сомнительные, то есть такіе, которые, попавъ въ категорію нелегальныхъ, застыли въ этомъ званіи и приобрѣли его какъ бы въ потомственное почетное гражданство.

При всемъ внѣшнемъ и внутреннемъ разнообразіи своего состава, у «колонистовъ» была одна общая роковая черта, это—ужасающая, почти фантастическая, бѣдность. Сбѣжавшіе по своей и чужой волѣ со всѣхъ

концовъ нашего обширнаго отечества, многіе изъ нихъ на первыхъ порахъ чувствовали себя въ этомъ огромномъ чужомъ Парижѣ совершенно потерянными. Незнакомство съ языкомъ еще болѣе усиливало уныніе. Помню, какъ одинъ молодой человѣкъ, впослѣдствіи прекрасно овладѣвшій языкомъ, рассказывалъ, что въ началѣ своего пребыванія въ Парижѣ, онъ, голодный, зашелъ въ лавку и спросилъ: «pour deux sous de l'arbalète» (на двѣ копейки луку). Лавочница расхохоталась, а онъ чуть не заплакалъ...

Чтобы какъ нибудь существовать, особенно семейнымъ, приходилось пускаться въ ходъ самую невѣроятную изобрѣтательность. Универсальный ресурсъ нашей молодежи — бѣготня по урокамъ—въ Парижѣ не имѣлъ никакого *raison d'être*; учить «русскимъ предметамъ» было некого: въ «колоніи» обученіе дѣтей силой вещей было бесплатное, а въ кругахъ, примыкавшихъ хотя бы отдаленно къ посольству—на соотечественниковъ, ютившихся въ темныхъ мансардахъ латинскаго квартала,—смотрѣли какъ на паріевъ. Когда группа людей, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій, бываетъ выброшена изъ теченія общей жизни—это всегда ведетъ къ искусственному сплочиванію этой группы. Вынужденная возвращаться въ сферѣ однихъ и тѣхъ же интересовъ, подъ гнетомъ нетерпящей отсрочки нужды, она, по наружности, принимаетъ видъ однотонной кружковой массы, а въ дѣйствительности мельчаетъ и озлобляется. Наиболѣе слабыя, часто наиболѣе впечатлительныя натуры, и вовсе погибаютъ. Нельзя къ одному стволу насильственно привить вѣтки цѣлаго лѣса; можетъ быть сбоку и вытиснется какой-нибудь невиданный побѣгъ, но вѣтки завянутъ, да и стволъ развалится въ прахъ... Хроническое недоѣданіе, страхъ за завтрашній день повышали нервозность и подтачивали силы этихъ вольныхъ и невольныхъ переселенцевъ. Инстинктъ самосохраненія заставлялъ прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ — лишь бы уцѣлѣть. Трудно вообразить, сколько изумительныхъ тамъ нарождалось проектовъ, какіе тамъ ежедневно, чуть не ежечасно, открывались дарованія и таланты. Больше всего, конечно, доставалось литературѣ. И всѣ алчущіе и жаждущіе устремлялись—официально за нелицепріятнымъ мнѣніемъ: есть ли молъ талантъ, стоитъ ли продолжать,—а въ сущности за одобреніемъ и поддержкой неизмѣнно въ одно мѣсто: въ rue de Douai, 50, гдѣ жилъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Отношеніе «колоніи» къ Тургеневу и Тургенева къ «колоніи» очень любопытно и со временемъ, вѣроятно, найдетъ безпристрастнаго историка. Къ Тургеневу могъ явиться всякій. Онъ ни у кого не спрашивалъ рекомендательныхъ писемъ, ни отъ кого не требовалъ дипломовъ на право существованія, и если бы его не охраняла строгая дисциплина дома Viardot, у него врядъ ли были бы опредѣленные часы для собственныхъ занятій. Сколько талантовъ, начинающихъ и непризнанныхъ, стучалось въ его гостепріимную дверь! и сколько наход-

чивости, какую дипломатическую тонкость онъ проявлялъ, чтобы доставить, въ ожиданіи будущихъ лавровъ, хоть какой нибудь заработокъ новому рабу того ненасытнаго божества, которое зовется «свободное искусство». Къ Тургеневу обращалось такъ много народа, при томъ народа нервнаго, обездоленнаго и издерганнаго, съ болѣзненной чувствительностью и непомѣрнымъ самолюбіемъ, что при всемъ желаніи онъ не могъ удовлетворить всѣхъ. Онъ такъ чаровалъ своей обходительностью, что при малѣйшей критикѣ или заминкѣ въ осуществленіи общаній—заминкѣ всегда происходившей не по винѣ Тургенева—къ нему начинали относиться холодно, даже враждебно, а втихомолку, случалось, и поругивали. Часто приходилось слышать: Тургеневъ прочиталъ мою повѣсть—и въ восторгѣ! онъ далъ мнѣ самое лестное письмо въ редакцію... (называлось имя журнала) Или: Тургеневу такъ понравилась моя картина, что онъ ее оставилъ у себя, чтобы показать... (называлось имя знаменитости въ художественномъ мірѣ). Протекалъ извѣстный промежутокъ времени. Повѣсть возвращалась автору съ лаконическимъ вердиктомъ «не подходитъ». Картина, по той же причинѣ, не попадала на выставку... Тогда на Ивана Сергѣевича изливался весь ядъ обманутыхъ надеждъ. Онъ одинъ оказывался во всемъ виноватымъ. И письмо то онъ далъ въ редакцію не настоящее, а только, чтобы отвязаться, и картину никому не показывалъ, потому что у него и знакомыхъ-то между вліательными художниками нѣтъ и т. д. О «неискренности» Тургенева не мало писалось, а еще больше говорилось подъ сурдинку. Какъ могло сложиться такое мнѣніе? Очень просто. Тургеневъ, по мягкости своего характера, не умѣлъ *отказывать*. Ему стоило неимоверныхъ усилій *огорчить* другого, и когда это бывало неизбежно, онъ это дѣлалъ въ такой осторожной и нѣжной формѣ, что у заинтересованнаго человѣка могло получиться впечатлѣніе, что Тургеневъ — въ сущности очень доволенъ. Дѣло въ томъ, что когда на судъ Тургенева представляли вещь совсѣмъ бездарную, онъ, по его собственнымъ признаніямъ, всегда начиналъ съ попытки сказать автору свое настоящее впечатлѣніе. Но сплошь да рядомъ авторъ, пораженный своей неудачей, принимался доказывать, что Тургеневъ недостаточно вникъ въглубь произведенія, въ его психологію, цѣль, и не вѣрилъ, что *здесь* (т.-е. въ рукописи) «ничего, ничего нѣтъ». Или же просто, безъ реторики, заявлялъ, что *это* для него «жизненный вопросъ». Испуганный Иванъ Сергѣевичъ «размякалъ» (его слово), соглашался, что дѣйствительно *что-то есть* и снабжалъ настойчиваго дебютанта письмомъ въ какую нибудь редакцію. Само собой разумѣется, вещь возвращали Тургеневу, для передачи по принадлежности. Иванъ Сергѣевичъ смущенно разводилъ руками, говорилъ виноватымъ голосомъ: ужъ это моя судьба!.. Мои рекомендаціи, какъ фальшивый пачпортъ (онъ любилъ такъ произносить это слово) всегда имѣютъ обратный эффектъ.

Послѣ такого «казуса» Тургеневъ долго жаловался знакомымъ, что вотъ молъ, какъ это непріятно вышло. Если ему замѣчали, что лучше бы съ самаго начала не вводить человѣка въ заблужденіе, Иванъ Сергѣевичъ, словно оправдываясь, возражалъ: *онъ* все равно безнадеженъ. Никакой «суровой правдой» вы ему таланта не создадите и ничѣмъ не убѣдите, что таланта у него нѣтъ... А, впрочемъ, кто его знаетъ, можетъ и нащупаетъ что нибудь... что я за провидецъ такой!.. пусть работаетъ... Щепетильная деликатность Тургенева особенно сказывалась въ вопросахъ денежныхъ. Брали у него заимообразно, брали и «такъ». Однажды пришелъ къ нему молодой человѣкъ, бѣдно одѣтый, красивый, поразившій меня своимъ надменнымъ, почти дерзкимъ лицомъ. Онъ поздоровался съ Иваномъ Сергѣевичемъ, отрывисто отвѣтилъ на два-три вопроса, усѣлся въ кресло и сталъ курить. Просидѣвъ такимъ образомъ съ $\frac{1}{4}$ часа, онъ вдругъ брякнулъ:—Тургеневъ, дайте денегъ. Иванъ Сергѣевичъ сконфузился и поспѣшно увелъ посѣтителя въ сосѣднюю комнату, притворивъ за собой дверь. Когда оба вернулись, у молодого человѣка горѣли щеки и глаза были потуплены. Тургеневъ любезно проводилъ его до лѣстницы, и затѣмъ, долго объяснялъ, вздыхая, что очень застѣнчивые и робкіе люди, нарочно напускаютъ на себя ухарство, чтобы выйти изъ тяжелаго положенія.

Но какъ радовался и волновался Тургеневъ, когда ему казалось, что вотъ, наконецъ, какъ будто мелькнуло что-то похожее на дарованіе. Тутъ ужъ онъ не говорилъ любезностей, а наоборотъ, подвергалъ самой тщательной критикѣ каждое выраженіе, каждое слово. Помню, какъ онъ убѣждалъ одну совсѣмъ юную писательницу, къ которой онъ благоволилъ, замѣнить слово «плевательница» словомъ «скамеечка». Онъ громко прочиталъ страницу, въ которой описывалось дѣтство героя—печальнаго мальчика, любившаго забираться въ уголъ на «деревянную плевательницу». Иванъ Сергѣевичъ объяснялъ, что добросовѣстная «проба пера»—есть всегда фотографія, но что постепенно, съ развитіемъ опыта и вкуса, фотографія должна уступить мѣсто картинѣ. Нельзя всегда описывать себя и своихъ знакомыхъ (я привожу не текстуальные выраженія Тургенева, а только ихъ смыслъ), но надо изъ себя, изъ своихъ знакомыхъ, изъ своихъ наблюденій—умѣть извлекать такіе же разнообразные звуки, какіе извлекаютъ изъ своихъ инструментовъ музыканты. Не всѣ поймутъ и оцѣнятъ мельчайшія тонкости исполненія, но главный мотивъ почувствуютъ всѣ. И чѣмъ талантливѣе виртуозъ, тѣмъ лучше онъ сумѣетъ передать свое настроеніе публикѣ. Вотъ и ваша «мебель», продолжалъ Иванъ Сергѣевичъ, въ большинствѣ квартиръ средней руки, которую вы описываете—есть деревянная скамеечка; мать, или старушка тетка, а то и просто няня, ковыряя чулокъ, ставитъ на нее ноги, тутъ же пристраивается ребенокъ... И я, да и каждый человѣкъ, это сто разъ видѣлъ...

Но васъ поразила «реальная» плевательница и вы этой фотографической подробностью не хотите поступиться.

Писательница энергически отстаивала свою «мебель». Тогда Иванъ Сергѣевичъ просительнымъ тономъ сказалъ: послушайте, подарите мнѣ эту плевательницу! Это было такъ неожиданно, что всѣ засмѣялись; писательница уступила, а Иванъ Сергѣевичъ торжественно зачеркнулъ непріятное ему слово и, написавъ другое, промолвилъ: ну, конечно, скамеечка — гораздо удобнѣе.

Въ эту же зиму Тургеневъ очень интересовался однимъ начинающимъ писателемъ N. N., которому онъ всячески покровительствовалъ. Онъ находилъ, что у N. N. тяжелый языкъ, что ему недостаетъ чувства мѣры, но что у него есть положительная литературная способность и принималъ въ его судьбѣ (N. N. сильно бѣдствовалъ) самое живое участіе. По этому поводу мнѣ вспоминается эпизодъ, который можетъ служить иллюстраціей независимости Тургенева и того, какъ мало онъ думалъ о личныхъ непріятностяхъ, когда можно было оказать услугу другому. Въ Парижѣ тогда существовалъ клубъ русскихъ художниковъ, учрежденіе, респектабельность котораго была внѣ сомнѣнія. Президентомъ его состоялъ, если не ошибаюсь, князь О., а вице-президентомъ Тургеневъ. Тамъ происходили иногда литературно-музыкальныя собранія, но, по естественному ходу вещей, для «колоніи» доступъ въ это святилище считался невысказаннымъ. И вдругъ Тургеневъ предложилъ N. N., человѣку въ ту пору явно непривилегированному — прочесть въ аристократическомъ клубѣ, главу изъ своего романа. Авторъ, раньше никогда не выступавшій передъ публикой, колебался принять это лестное приглашеніе. Тогда Иванъ Сергѣевичъ изъявилъ желаніе самъ прочесть его произведеніе. О такомъ счастьѣ, ни одному новичку и во снѣ не снилось — и авторъ, понятно, былъ наверху блаженства. Извѣстіе это съ быстротою молніи облетѣло всѣ куржки, фракціи и подфракціи колоніи и породило много толковъ и волненій. Всѣ знали, что въ музыкальномъ отдѣленіи вечера примутъ участіе люди во всѣхъ смыслахъ обезпеченные: бывшій профессоръ одной изъ нашихъ столичныхъ консерваторій, ученицы M-me Viardot и т. п. Но «словесники» повергли всѣхъ въ изумленіе. Кромѣ романиста, должны были читать поэтъ и дама, ни въ какихъ крамолахъ, правда, не замѣченные, но съ тѣмъ неуловимымъ оттѣнкомъ завиральныхъ «идей», которыя не одобрялъ еще Павелъ Аѳанасьевичъ Фамусовъ. Всѣхъ занималъ вопросъ: какъ отнесутся сильные міра къ пасынкамъ судьбы, самое существованіе которыхъ принято было считать чѣмъ то неприличнымъ. Многіе выражали мнѣніе, что Тургеневъ все это затѣялъ «очертя голову»; инныя, наиболѣе проникательныя особы, простирали свою догадливость гораздо дальше и утверждали, что эта штука придумана «не спроста», и что, Тургеневъ, раскаявшись послѣ «Нови», ищетъ сближенія съ молодежью.

Когда же узнали, что Тургеневъ пригласилъ на вечеръ П. Л. Лаврова, колонія возликовала и была готова окончательно признать «лойяльность» Тургенева.

На самомъ дѣлѣ все было неизмѣримо проще, и Тургеневъ, повидимому, даже не подозрѣвалъ, какой онъ причинилъ переполохъ. Незадолго до вечера я получила отъ него записку, въ которой онъ жаловался на подагру и просилъ меня заѣхать къ нему. Я застала его одного. Видно было, что ему не по себѣ: лицо усталое и одѣтъ «по больному»—въ какой-то вязаной курткѣ, ноги въ высокихъ мягкихъ сапогахъ и подъ пледомъ. Кабинетъ у Тургенева былъ небольшой, очень скромно обставленный. Потому ли, что кресла и стулья занимали слишкомъ много мѣста, или просто фигура хозяина казалась слишкомъ громоздкой для такой маленькой комнаты, но на меня, по крайней мѣрѣ, Иванъ Сергѣевичъ въ этомъ кабинетѣ всегда производилъ такое впечатлѣніе, точно онъ не можетъ какъ слѣдуетъ протянуться, точно ему здѣсь тѣсно, неудобно. Когда я вошла, Иванъ Сергѣевичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и противъ обыкновенія не поднялся мнѣ навстрѣчу, а только приподнял голову и, не выпуская изъ правой руки пера, протянулъ мнѣ лѣвую.

— Присядьте и извините меня, — сказалъ онъ, — я скоро кончу. Почитайте пока; вонъ тамъ (онъ указалъ на столикъ) новая книга «Вѣстника Европы». Я усѣлась и стала потихоньку перелистывать страницы журнала, искоса поглядывая на Ивана Сергѣевича. Онъ быстро писалъ, энергически вычеркивая то строчку, то слово, и приговаривая: «Этакая бессмыслица... этакая грубая безграмотная лесть... пишетъ, какъ портной Сидоровъ изъ Парижа...»

Вдругъ онъ меня позвалъ. «Взгляните сюда, прочтите эту страницу».

Я стала читать и не могла удержаться отъ смѣха. Это было полное отрицаніе ортографіи. Можно было подумать, что авторъ задался цѣлью нарочно писать всѣ слова на выворотъ. Оказалось, что Иванъ Сергѣевичъ исправлялъ въ «потѣ лица», какъ онъ выразился, не то отчетъ, не то проектъ, какого-то своего знакомаго художника—къ одному весьма высокопоставленному меценату. Я предложила Ивану Сергѣевичу исправить грамматическія ошибки. Онъ видимо обрадовался, усадилъ меня на свое мѣсто и сказалъ: «Исправляйте все, я послѣ просмотрю; главное, попроще, а то тутъ такіе есть перлы семинарско-кадетской реторики!... нарочно ни за что не придумать... я кое-что даже записалъ для памяти». Мало-по-малу Иванъ Сергѣевичъ пришелъ въ свое обычное, благодушное и милое настроеніе: подтрунивалъ надъ моими профессорами, удивительно похоже и смѣшно представлялъ елейно-торжественнаго Саго, на лекціи котораго съѣзжалось столько элегантныхъ дамъ, что въ его дни строгая аудиторія Collège de France принимала видъ свѣтскаго салона. Я спро-

сила Ивана Сергѣевича о предстоящемъ литературномъ вечерѣ и можно ли будетъ на него попасть.

— Можете даже участвовать, — сказалъ онъ. — Хотите вмѣсто меня читать романъ N. N.?

Я возразила, что такая замѣна повергла бы публику въ недоумѣніе, а автора въ отчаяніе, — и потому предпочитаю болѣе незамѣтное мѣстечко гдѣ-нибудь въ залѣ или на хорахъ. Иванъ Сергѣевичъ усмѣхнулся и тутъ же подарилъ мнѣ два билета на русскій вечеръ и билетъ на conférences Жюкелена. (Я очень увлеклась французскимъ театромъ. Delonay, Got, Coquelin, Madeleine Brohan — приводили меня въ восторгъ. Тургеневъ меня поощрялъ, но настаивалъ, чтобы я, кромѣ «Comédie», бывала и въ концертахъ камерной музыки и въ оперѣ). Незадолго до этого я въ первый разъ слушала Ванъ-Зандтъ въ «Миньонѣ» (она пѣла тогда въ Opéra Comique) и спросила Тургенева, нравится ли она ему. Онъ ее похвалилъ, и сейчасъ же сталъ вспоминать, какъ пѣла m-me Viardot въ молодости. «Съ ней», — сказалъ онъ, — «не можетъ сравниться ни одна изъ нынѣшнихъ знаменитостей. Она была и есть единственная». Потомъ, по обыкновенію, разговоръ перешелъ на литературу. Иванъ Сергѣевичъ разсказывалъ о Жоржъ Зандъ, о Флоберѣ, Эдмондѣ Гонкуръ, Золя, Додэ, объ ихъ дружескихъ обѣдахъ у Magny. Флобера онъ ставилъ чрезвычайно высоко, какъ писателя и человѣка, и горячо его любилъ. V. Hugo не нравился Ивану Сергѣевичу своей ходульностью и напыщенностью, но онъ говорилъ, что нельзя не преклоняться передъ этимъ «рыцаремъ пера», который болѣе полустолѣтія съ такимъ героизмомъ отстаивалъ самые возвышенные идеалы человѣчества, и признавалъ V. Hugo, наравнѣ съ Шиллеромъ, величайшимъ поэтомъ юности.

Много еще хорошаго и интереснаго говорилъ Тургеневъ. Онъ былъ какъ-то особенно въ ударѣ и, въ послѣдствіи, не разъ вставало въ моей памяти сырое, съ пронзительнымъ вѣтромъ, зимнее парижское утро, путешествіе въ омнибусѣ изъ Auteuil, на place de Clichy, маленькій кабинетъ съ потрескивающимъ каминомъ, высокій, изящный старикъ съ сѣдой головой и молодыми глазами, его ласковая, живая, незабвенная рѣчь...

Насталъ, наконецъ, и возбудившій столько толковъ литературно-музыкальный вечеръ. Я отправилась туда съ одной знакомой. Когда мы пріѣхали, публики было уже довольно много. Часть ея прогуливалась въ передней залѣ, а часть размѣстилась въ главной. Это была длинная и довольно большая комната, въ концѣ которой возвышалась эстрада. Меня поразила рѣзкая разница между собравшейся публикой, до того рѣзкая, что она бросалась въ глаза. Въ первыхъ рядахъ креселъ — эффектные фраки и реденготы, бѣлые жилеты, ослѣпительные пластроны, прелестные дамскіе туалеты — ни дать ни взять симфоническій концертъ въ московскомъ благородномъ собраніи. И сейчасъ же за ними — самая изумительная смѣсь «одеждъ и лицъ»,

особенно одеждъ. Чего только тутъ не было! И пиджаки, и блузы, и лѣтніе пальто, и высокіе сапоги; кое-гдѣ изъ-подъ крылатыхъ альмавивъ стыдливо выглядывали косоворотки. Женщины были гораздо наряднѣе, хотя и тутъ эффектъ достигался малыми средствами. Ленточка, свѣжее кружево оживляли старенькое платье; улыбка удовольствія играла на молодыхъ, уже отмѣченныхъ страданьемъ, лицахъ... робкая походка... неловкія движенія... тихіе голоса... нѣсколько красивыхъ головокъ... Наши мѣста были въ четвертомъ или пятомъ ряду справа. Въ томъ же ряду, что и мы, только слѣва, меня поразила грузная фигура старика съ львиной головой. Длинные, густые, рыжеватые съ сильной просѣдью волосы составляли точно одно съ широкой, длинной бородой. Старикъ сидѣлъ опершись подбородкомъ на скрещенныя кисти рукъ, въ которыхъ онъ держалъ массивную палку. Онъ медленно поворачивалъ то въ ту, то въ другую сторону свою большую голову, оглядывая поверхъ очковъ публику. Я спросила мою спутницу, не знаетъ ли она, кто это. Она даже удивилась моему невѣжеству.

— Неужели вы не знаете? Это Лавровъ, Петръ Лавровичъ. До этого мнѣ ни разу не случилось видѣть знаменитаго эмигранта—и я на него уставилась съ понятнымъ любопытствомъ. Впрочемъ, Лавровъ возбудилъ не только мое любопытство: фешенебельные дамы и кавалеры усердно его лорнировали и перешептывались. Лавровъ, казалось, относился равнодушно къ такому вниманію и лишь, когда мимо него пробиралась къ своему мѣсту дама, онъ поднимался и, съ отмѣнной вѣжливостью, давалъ ей дорогу. Онъ былъ высокъ ростомъ и осанку имѣлъ внушительную. (Потомъ я его видѣла раза два—три у Тургенева. Иванъ Сергѣевичъ по соображеніямъ педагогическаго свойства—о чемъ онъ меня предупредилъ—не знакомилъ меня съ Лавровымъ и мы съ нимъ только безмолвно раскланивались. Слушала я его съ большимъ вниманіемъ. У него были прекрасныя манеры и тонъ хорошо воспитаннаго человѣка). А публика все прибывала. Было уже довольно поздно. Давно пора было начинать. Къ намъ подошелъ одинъ знакомый изъ вездѣсущихъ и всевѣдущихъ и сообщилъ, что ждутъ Тургенева. Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять подошелъ и сообщилъ, что Тургеневъ не пріѣдетъ: онъ только что прислалъ записку N. N., что надъ нимъ стряслась бѣда — сильнѣйшій припадокъ подагры. N. N., понятно, въ отчаяніи—приходится читать самому, онъ ужасно волнуется и т. д. Главный интересъ вечера, конечно, пропалъ и это моментально отразилось на настроеніи залы, словно по ней пробѣжала холодная струйка. Порядокъ программы сейчасъ же измѣнили. Первымъ долженъ былъ читать Тургеневъ. Вмѣсто него вышелъ скрипачъ Б., превосходный виртуозъ. Его встрѣтили сдержанно; концертъ Мендельсона имѣлъ лишь succès d'estime и только послѣ пьесъ Вьетана и Венявскаго ледъ растаялъ. За скрипачемъ пѣли ученицы m-me Viardot. Затѣмъ на эстраду вышелъ господинъ съ бантикомъ въ петлицѣ и объявилъ, что вслѣдствіе внезапной болѣзни Ивана Сергѣевича Тургенева главу изъ по-

вѣсти (забыла названіе) прочтетъ авторъ. Показался и авторъ. Мелкими торопливыми шажками онъ подбѣжалъ къ стулу, съ шумомъ его отодвинулъ и какъ-то сразу на него обрушился, точно тяжелый мѣшокъ, который опустили на землю. Это былъ еще молодой, маленькаго роста, тщедушный человѣкъ, съ курчавой, непропорціонально большой, головой, блѣдный, сутуловатый. Онъ, повидимому, страшно волновался: читалъ глухимъ, прерывающимся голосомъ, перепутывалъ слова... Содержанія разсказа я не помню (что-то жалостное: оскудѣвшіе дворяне, и баба, которая была, какъ «недобитая собака». Это единственное выраженіе, оставшееся у меня въ памяти). Чтеніе длилось долго, но жестокая публика, обманутая въ своемъ ожиданіи услышать Тургенева, почти не обращала вниманія на автора. По всѣмъ рядамъ шелъ тихій говоръ. Впрочемъ, когда авторъ кончилъ, раздалось нѣсколько шлепковъ, а изъ второй залы слышались крики «браво». Послѣ романиста поэтъ Х. прочиталъ прекрасное стихотвореніе. Къ сожалѣнію, онъ читалъ такъ неискусно, что вся прелесть его звучныхъ стиховъ пропала.

За этимъ наступилъ перерывъ и мы побѣжали въ курительную. Тамъ было много народу и шумъ стоялъ невообразимый. По комнатѣ, словно сизая туча, медленно расплзался табачный дымъ. Говорили всѣ вмѣстѣ и на разные лады комментировали—почему не пріѣхалъ Тургеневъ. Одни видѣли въ этомъ измѣну, другіе трусость (увильнулъ въ послѣднюю минуту), третьи увѣряли, будто ему ужъ досталось за эту «затѣю»—и только самые умѣренные соглашались повѣрить, что Тургеневъ дѣйствительно захворалъ. Меня удивило присутствіе въ курительной русскаго священника. Онъ внимательно прислушивался къ разговорамъ и вдругъ обратился къ худенькой миловидной блондинкѣ—моей знакомой. «Позвольте полюбопытствовать, сударыня, то стихотвореніе, которое читалъ господинъ поэтъ, было напечатано въ какомъ-нибудь русскомъ періодическомъ изданіи?»

— Нѣтъ, — отвѣтила блондинка, — а вамъ оно развѣ понравилось, батюшка?

— Я плохой судья въ современной поэзіи, — уклончиво замѣтилъ батюшка, — но полагаю, что не быть ему напечатану во вѣки вѣковъ.

— По независимымъ отъ редакціи обстоятельствамъ, — проговорила, усмѣхаясь, блондинка.

Батюшка промолчалъ. Немного погодя, онъ опять заговорилъ.

— А господинъ романистъ тоже, кажется, не напечатанное произведеніе читалъ?

— Право не знаю, батюшка, кажется по рукописи.

— По рукописи, — задумчиво повторилъ батюшка и послѣ небольшой паузы прибавилъ: — я слышалъ, что онъ protégé Ивана Сергѣича. Высокой души человѣкъ Ив. Серг. Для здѣшней молодежи, можно сказать, истинный благодѣтель, и выразительно поглядѣвъ на «здѣшнюю молодежь», батюшка меланхолически покачалъ головой.

Во второмъ отдѣленіи опять игралъ скрипачъ. За нимъ должна была читать дама. Я жила далеко, почти у Булонскаго лѣса, вставать приходилось рано, и, воспользовавшись короткимъ перерывомъ послѣ скрипача, я уѣхала. Дома меня ждала записка отъ Тургенева. Онъ приглашалъ меня къ себѣ на слѣдующій день. Но утромъ у меня были двѣ лекціи Франка и Мезьера, которыя я не могла пропустить, и я попала къ Ивану Сергѣевичу довольно поздно. Я застала у него цѣлое общество; нѣкоторыхъ я знала, но одна уже пожилая дама и двое мужчинъ были мнѣ незнакомы. Предметомъ разговора былъ вчерашній вечеръ. Тургеневъ, очень возбужденный, поминутно потирая больное колѣно, говорилъ быстро, высокимъ фальцетомъ, что всегда означало у него неудовольствіе или волненіе. Чтобы ввести меня въ курсъ бесѣды, онъ разсказалъ въ общихъ чертахъ, что ему дали понять, какъ некорректно вводить подозрительный элементъ въ порядочное общество, которое весьма шокировано, что подъ видомъ поэзіи ему преподносятъ «Богъ знаетъ что». Скажите по совѣсти, — обратился ко мнѣ Иванъ Сергѣевичъ, — вы вѣдь у насъ тутъ «сами по себѣ», поучитесь и уѣдете—скажите откровенно—произвелъ на васъ вчерашній вечеръ впечатлѣніе пропаганды? Я отвѣтила отрицательно. Читали неважно, это правда, а такъ—рѣшительно ничего.

— Ну вотъ,—сказалъ Тургеневъ. А меня то обвиняютъ, что я надругался надъ самыми священными чувствами! Завтра Катковъ объявитъ меня измѣнникомъ отечества... А за то, что я осмѣлился пригласить Лаврова—меня само собой надо предать анаемѣ. Я, видите ли, долженъ извиниться за этотъ свой поступокъ.

— Не можетъ быть,—возразилъ кто-то изъ гостей.

— Ахъ, батюшка,—раздражительно крикнулъ Тургеневъ.—Молоды вы еще, оттого вамъ, и кажется, что «не можетъ быть». Все *можетъ быть*, а особенно невѣроятное.

Мнѣ интересно,—продолжалъ онъ болѣе спокойнымъ тономъ, что же Лавровъ, значить и въ церковь не смѣетъ придти? Напримѣръ, умру я. Мы съ нимъ хоть и не близкіе друзья, а все же старинные знакомые—и ни отъ кого я этого никогда не скрывалъ. Придетъ онъ въ rue Dauphine на панихиду—проститься со мной... Что же? не пускать его въ церковь..., вонъ молъ!..

Всѣ молчали.

— Нѣтъ, каково холопство, какова трусость,—воскликнулъ Тургеневъ, опять раздражаясь, и на самыхъ высокихъ нотахъ.—И добро бы это было гдѣ-нибудь на Старой Басманной... а то вѣдь гдѣ? въ Парижѣ!! Чего, кажется, бояться..., а все трепещутъ!..

-- Неужели, Иванъ Сергѣевичъ, вы будете извиняться?—спросила дама.

Тургеневъ обернулся къ ней и не особенно ласково замѣтилъ:—я для этого ужъ старъ. Званіе вице-президента я готовъ съ себя сложить. Да и какой я президентъ!—проговорилъ онъ съ добродушнымъ смѣхомъ,

и, словно желая переменить разговоръ, Иванъ Сергѣевичъ сталъ рассказывать, какъ его однажды выбрали въ почетные президенты литературнаго конгресса.—Ну, я открылъ засѣданіе, усѣлся въ предсѣдательское кресло, все, какъ слѣдуетъ быть. Заговорилъ одинъ. Хорошо. Потомъ его перебилъ другой. Еще лучше. Мнѣ бы его остановить, а я сижу да слушаю. Всѣ сейчасъ же смекнули, что на мѣстѣ предсѣдателя сидитъ старая морская курица. Не успѣлъ я оглянуться, какъ поднялось Вавилонское столпотвореніе. Confrère-ы мнѣ шепчутъ: *sonnez, sonnez*, а я и колокольчика не вижу. Спасибо Edmond About выручилъ—схватилъ колокольчикъ, да какъ затрезвонить! Мигомъ все пришло въ порядокъ... Что значитъ настоящій то человѣкъ!.. Тургеневъ смѣялся, рассказывая, и всѣмъ присутствующимъ стало какъ-то легче, что онъ пересталъ хмуриться. Разговоръ перешелъ на другіе предметы, но ненадолго. Тургеневъ опять вернулся къ злополучному вечеру. Выговоръ «за Лаврова» очевидно задѣлъ его за живое.

— И кому это понадобилось докладывать о Лавровѣ,—сказала я.— Такая масса было народу... Кому онъ могъ помѣшать.

— А это ужъ черта такъ сказать историческая,—возразилъ Тургеневъ. Первое доказательство собственной благонадежности—есть доносъ. Словно желая подтвердить это положеніе, Иванъ Сергѣевичъ рассказалъ, какъ много лѣтъ тому назадъ, проводя лѣто въ Спасскомъ, онъ узналъ, что священникъ донесъ становому о томъ, что по сосѣдству объявились какіе-то молодые люди, читаютъ книжки, вступаютъ въ бесѣду съ крестьянами и вообще ведутъ себя странно. Ихъ, конечно, позабрали.—Встрѣтилъ я этого попа. Разговорились. Я его спросилъ:—зачѣмъ вы, батюшка, становому-то ихъ выдали. Развѣ нельзя было какъ-нибудь помягче... Что же онъ? а если бѣ, говорить, у васъ въ Спасскомъ, Иванъ Сергѣичъ, чума появилась, али холера—вы бы развѣ не дали знать по начальству... То-то вотъ и есть...

Въ колоніи «инцидентъ» Лавровъ-Тургеневъ еще долго служилъ предметомъ оживленныхъ толковъ и самыхъ мелодраматическихъ гипотезъ. На дѣлѣ, однако, вся эта исторія оказалась сильно преувеличенной и никакихъ рѣзкихъ послѣдствій не имѣла.

Въ началѣ весны Тургенева все чаще стали донимать приступы подагры, такъ что онъ почти никого не принималъ. Въ это же время я видѣла его горько, безутѣшно плачущимъ. Это было въ день 1-го марта 1881 г... Припоминая впослѣдствіи все, что онъ тогда говорилъ, я не могла не изумляться его пророческой проницательности. Лѣтомъ онъ уѣхалъ въ Россію. Изъ Спасскаго онъ писалъ мнѣ нѣсколько разъ (я проводила лѣто на дачѣ около Москвы). Осенью я опять собиралась въ Парижъ, но, по разнымъ обстоятельствамъ, поѣздку мою приходилось отложить. Тургеневъ звалъ меня въ Спасское, но это было для меня невозможно и мы увидались только въ Москвѣ, у Ивана Ильича Маслова. Иванъ Сергѣевичъ обрадовалъ меня своимъ цвѣтущимъ видомъ. Онъ былъ чрезвычайно

весель, разговорчивъ, строилъ разные планы, собирался писать новый романъ, уговаривалъ меня скорѣй возвращаться въ Парижъ... Никому изъ насъ въ голову не приходило, что мы видимся въ послѣдній разъ.

Со смерти Тургенева прошло 18 лѣтъ. Срокъ небольшой. А между тѣмъ, какъ мало его читаютъ, какъ мало цѣнятъ. Уродливое преподаваніе русскаго языка въ нашей школѣ принесло свой плодъ. Во всѣхъ образованныхъ странахъ юношество воспитывается въ любви къ родной литературѣ. Французскій *bachelier* знаетъ наизусть В. Гюго. Нѣмецкій гимназистъ гордится Гетѣ и Шиллеромъ. А у насъ — «зрѣлые классики», знакомые съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Толстымъ, Тургеневымъ, лишь по отрывкамъ — обычное явленіе.

Тургеневу въ этомъ отношеніи особенно не повезло. Молодежь аргіони считаетъ его «отсталымъ», а взрослые, чтобы оправдать свое равнодушіе, съ апломбомъ восклицаютъ: куда ему до Достоевскаго, до Толстого...

Въ «Чайкѣ» А. П. Чехова модный писатель, Тригоринъ, уныло говоритъ, что писать не стоитъ, ибо, что ни напиши, читатель скажетъ: да, это очень мило, но какое же сравненіе съ Тургеневымъ *). Это тонкое и вѣрное замѣчаніе. Но, если ужъ никакъ нельзя выйти изъ заколдованнаго круга сравненій, то... Тургеневъ такъ же великъ, какъ Толстой. Оба они, хотя и разными путями, учатъ любить и жалѣть человѣка, вѣрить въ добро и искать истину. Всеобъемлющая душа Тургенева жаждала гармоніи. Его упрекали въ политическомъ индифферентизмѣ. Это невѣрно. У него было очень опредѣленное политическое *profession de foi*, но онъ никогда не былъ человѣкомъ партіи. Да и какая партія могла его удовлетворить! Онъ былъ художникъ-философъ. Его интересовало все живущее — природа, люди, наука, искусство. Онъ далъ несравненную картину современной ему эпохи, при чемъ сумѣлъ въ самыхъ животрепещущихъ явленіяхъ фиксировать элементъ вѣчности. Пессимизмъ Тургенева не есть пессимизмъ отчаянія. Онъ вытекаетъ изъ самаго существа жизни. Люди несчастны, но жить стоитъ. Рядомъ съ эгоизмомъ, злобой, низостью — неизсякаемый родникъ любви, героизма самоотверженія, энергіи... Рядомъ съ неизбѣжной борьбой отцовъ и дѣтей — старость безъ зависти привѣтствуетъ расцвѣтъ молодыхъ силъ, грусть неразлучна съ надеждой и человѣчество, спотыкаясь, блуждая, сворачивая въ сторону — все-таки, несмотря ни на что, идетъ впередъ.

Тургеневъ поэтъ и учитель. Его нельзя забыть. Охлажденіе къ нему можетъ быть только явленіемъ случайнымъ. Оно пройдетъ. Къ Тургеневу вернутся. Его будутъ читать, перечитывать и изучать съ той благодарностью, какую заслуживаетъ этотъ великій мастеръ русскаго слова и великій художникъ человѣческой души.

Р. М. Хинѣ.

*) Цитирую не подлинныя слова, а смыслъ.

2010515772